Сравнительный анализ основных сфер общественной жизни в советской и современной России: социально-философские аспекты

О. В. Шангина¹, Ф. К. Романов², Н. А. Думанова¹

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

² *Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия*

shanginao@yandex.ru

Четыре основные сферы общественной жизни: социальная, хозяйственная, организационная и духовная деятельность — рассматриваются в контексте современной социально-философской мысли. Предпринята попытка их сравнения в советской и современной России. Анализируются некоторые тезисы статьи специалиста по социальной философии профессора К. Х. Момджяна о гипотезе общественного прогресса. Исследуется принципиальная возможность применения положений морального кодекса строителя коммунизма в современной российской действительности. Делается попытка выявить мировоззренческие позиции, приемлемые для большинства граждан будущей России.

Ключевые слова: мировоззренческая позиция; социальная философия; общество как субъект; общество как объект; сфера общественной жизни; общественный прогресс; идеология; мораль.

Comparative Analysis of Main Spheres of Public Life in Modern and Soviet Russia: Socio-Philosophical Aspects

O. V. Shangina¹, F. K. Romanov², N. A. Dumanova¹

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

² *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

shanginao@yandex.ru

The authors consider four main spheres of public life: social, economic, organizational and moral and intellectual activity, in the context of contemporary socio-philosophical thought. They attempt to compare these spheres in Soviet and modern Russia. The authors did analyze some key points of Prof. Karen Momdzhyan's paper related to hypothesis of social progress. The authors have studied the principal applicability of provisions of the Moral Code of the Builder of Communism to modern post-Soviet reality and have tried to find a worldview that could prove acceptable for the majority of future Russian citizens.

Keywords: worldview; social philosophy; society as subject; society as object; public life sphere; social progress; ideology; morality.

В современной России продолжают-
такие процессы, как чрезмерное социальное
расслоение и рост безработицы; с началом
очередного этапа пенсионной реформы

актуализировалась проблема отношения человека и общества, конфликта интересов личности и общественных интересов. Это побуждает снова обратиться к исследованиям исторических судеб России, взглядам на перспективы ее развития, содержащимся в трудах современных отечественных философов.

Несмотря на то, что после распада Советского Союза прошло несколько десятилетий, за это время в стране не выработалось общее мировоззрение; более того, в общественном сознании с каждым годом укрепляется представление о том, что такого мировоззрения в России никогда уже не будет.

Мировоззренческая гетерогенность. Демократические свободы, пришедшие на смену жесткому идеологическому курсу, породили в пореформенном обществе множество противоречий, вызванных непривычной для него ситуацией мировоззренческой гетерогенности. В любых социальных группах российского общества присутствуют люди, придерживающиеся самых различных мировоззрений. Если еще сравнительно недавно вопросы выбора мировоззрения не возникали и не обсуждались ни в школьных классах, ни в студенческих аудиториях, то современный образовательный процесс предполагает свободу мировоззренческого выбора как для обучающихся, так и для обучающихся: школьников и студентов. В современной России в одной учебной аудитории могут собраться и атеисты, и последователи основных мировых религий, а также представители многих еще не запрещенных сегодня сект; сторонники коммунистических, патриотических и либеральных взглядов. Подобное и даже большее разнообразие возможно в любых других социальных группах, не задействованных в общем образовательном процессе.

В связи с этим нам представляется всё более актуальной задача найти хотя бы несколько понятий, объединяющих общество, доступных и близких любым его слоям. Мы убеждены, что к таким понятиям относятся мораль и общественный прогресс. Не так давно они не только не обсуждались критически, но было однозначно определено

их соотношение. В «Советском энциклопедическом словаре» (1989 г. изд.) зафиксировано, что «с точки зрения марксизма, мораль должна служить общественному прогрессу» [1, с. 841]. Соблюдать нравственные законы советского человека побуждала совесть — «понятие морального сознания, внутренняя убежденность в том, что является добром и злом, сознание нравственной ответственности за свое поведение» [1, с. 1244]. Советский человек, живя по совести, был убежден и в незыблемости идеи прогресса. В философском словаре середины 1950-х гг. утверждалось: «Марксизм-ленинизм не просто констатирует, что общество развивается, но вскрывает те действительные, прежде всего материальные причины, которые определяют прогрессивное развитие истории человеческого общества, его переход с одной ступени на другую, более высокую, показывает, какой класс движет общество вперед и какой тормозит его поступательное развитие. Главной силой, определяющей прогрессивное развитие общества, является способ производства материальных благ, изменения, совершающиеся в нем. Носителем прогресса является передовой класс, выступающий против консервативных, реакционных сил общества, задерживающих его поступательное развитие» [2, с. 544]. В советском обществе идея общественного прогресса не подвергалась ни критике, ни какому-либо анализу. Движение к цели построения развитого социализма, а затем и коммунизма в отдельно взятой стране нуждалось в не оспариваемой философской идее поступательного развития общества. Реальное бытие стран социалистического лагеря демонстрировало очевидные проблемы: дефицит материальных благ и ограничение свобод граждан, что позволяло странам капиталистического мира заявлять о наибольшем соответствии их общественного устройства концепции общественного прогресса, на основании столь же очевидного внешнего благополучия.

Общественный прогресс: основополагающая идея или гипотеза? Кардинальные изменения, произошедшие на постсоветском

пространстве и во всем мире, послужили не только для научного, но и для массового сознания поводом к разочарованию как в социалистической, так и в капиталистической модели устройства мира и привели к тому, что многие философы, не отрицая понятие общественного прогресса как такового, стали говорить о нем лишь как об инструменте научного анализа общества. К их числу относится советский и российский философ К. Х. Момджян, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, признанный специалист в области социальной философии. В работе «Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории» он «обосновывает возможность научной теории прогресса, выясняет условия, при которых мы можем рассматривать оценочные суждения как истинные или ложные» [3, с. 36].

Выделяя в сфере общественной жизни четыре основных типа деятельности: социальную, хозяйственную, организационную и духовную, Момджян подробно рассматривает каждый из них и дает оценки их прогресса. Разумеется, неотъемлемая характеристика научного подхода — выделение при анализе любого сложного явления всех составляющих этого явления, и понятие общественного производства — не исключение, но, на наш взгляд, уже то, в каком порядке рассматривается важность каждого из его видов, является предметом дискуссии.

Говоря о *социальной деятельности*, Момджян называет ее «производящей дееспособных субъектов путем рождения людей, их воспитания, обучения, здравоохранения и проч.» [3, с. 40]. В советское время ответственность за воспитание и обучение людей и охрану их здоровья несло общество, а семье отводилась едва ли не второстепенная роль, тогда как сегодня воспитание практически полностью выведено из школ и вузов и объявлено исключительной сферой ответственности семьи. Перевод значительной части социально значимых благ и услуг, в том числе в таких важных сферах жизни общества, как образование и здравоохранение, на платную основу привел

к тому, что обучение и лечение, став просто услугами, утратили государственную поддержку. Кардинально трансформировались социальные связи *врач — пациент, преподаватель — студент*. Из общества постепенно уходит должное — уважительное — отношение к профессиям «врач», «педагог». Трудно не согласиться с мнением С. Н. Лифинцевой и Ю. Н. Бажановой: «Самый горький итог реформ <...> в том, что сама профессия учителя перестала быть синонимом нравственной незапятнанности, самоотверженного служения, ценностного индикатора» [4, с. 106]. С прекращением государственной поддержки и отказом от идеологии в образовании оно перестало выполнять одну из своих основных функций — воспитательную. Это, на наш взгляд, составляет одно из главных отличий образовательной системы современной России от советской. Этот вопрос мы подробно рассмотрели в статье «О подмене нравственных норм интеллектуальными в современном образовательном пространстве» [5].

Советский ученый, философ, педагог А. А. Радугин писал: «Следует ориентировать воспитанника на усвоение мировоззренческой шкалы ценностей. В каждой учебной дисциплине найдется материал, раскрывающий природу света и тьмы, прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, комического и трагического, злого и доброго. Четкое их различение дает представление об иерархии ценностей и недопустимости их смешения» [6, с. 238]. Радугин также отмечает, что после 1917 г. вся система образования была кардинально преобразована: образование стало общедоступным, бесплатным, и — главное изменение — школа была провозглашена светской, т. е. независимой от церкви.

На смену христианским пришли идеалы, декларированные в моральном кодексе строителя коммунизма (см., напр., [7]). На всем протяжении советского периода эти идеалы позволяли осуществлять воспитательный процесс в образовании, прививать учащимся высокие гражданские и нравственные качества, разъяснять понятия

добра и зла, раскрывать понятия морали и нравственности в русле коммунистической идеологии.

Меньше всего отличий современной России от советской можно найти в *хозяйственной деятельности*: сфера производства изменилась лишь в части технологий.

Третья составляющая общественной жизни — *организационная деятельность*, создающая и регулирующая социальные связи и отношения, — претерпела значительные изменения, поскольку в России сменился политический строй. Новый строй, в свою очередь, повлек за собой изменение формирования как социальных связей, так и отношений между людьми. К управленческой деятельности, по сути, единственной существовавшей, добавилась коммуникативная деятельность и привела к образованию новых для России структур, связанных с выявлением общественного мнения, настроения и ожиданий различных слоев населения.

Но самые разительные перемены произошли в четвертом виде производства — *духовной деятельности*. Изменения были столь кардинальны и так осложнили ее анализ, что Момджян отметил: «Наиболее сложным является вопрос о прогрессе в сфере морального сознания» [3, с. 42].

Далее он высказал мнение: «Я полагаю все же, что в основе современного смягчения нравов лежит не столько нравственный прогресс, сколько целерациональный расчет общественной пользы. Благодаря уже упоминавшемуся организационному прогрессу мы живем в обществе, в котором “пряник” оказался эффективнее “кнута”, сотрудничество — эффективнее конфронтации, свобода — эффективнее несвободы. В результате таких изменений многие люди стали вести себя корректно в отношении себе подобных, поскольку понимают, что альтернатива является контрпродуктивной, не приводит к желаемым результатам» [3, с. 42].

Скорее всего, сложность анализа духовной сферы общественной жизни и побуждает исследователей отводить ей последнее место в своих работах, рассматривать ее в заключительном пояснении. Но на наш

взгляд, именно этот тип деятельности, в конечном счете, определяет направленность трех остальных типов: социальной, хозяйственной и организационной.

Причины, по которым отличия духовной сферы в советской и современной России так непросто анализировать, с одной стороны, коренятся весьма глубоко, а с другой — лежат на поверхности, в том смысле, что очевидны всем членам общества, независимо ни от образования, ни от возраста. Действительно, если для анализа и понимания социальной, хозяйственной и организационной сфер общественной жизни необходимы специальные знания и опыт, то о духовной деятельности может знать и судить любой субъект общественной жизни, независимо от своего статуса в обществе. Как нам представляется, трудность оценки прогресса в духовной сфере вызвана прежде всего тем, что каждый субъект в современной России получил право на собственное мнение по поводу любой духовной проблемы, возникающей и обсуждающейся в социуме.

Духовная сфера как система отношений между людьми и в Советском Союзе, и в современной России отражает духовно-нравственную жизнь всего общества, включая следующие основные подсистемы: культуры, искусства, религии, морали, идеологии и науки (хотя в Советском Союзе религия официально не входила в сферу духовной жизни общества). То, что религия стала признанной подсистемой духовной жизни общества, резко сместило сложившиеся в советское время приоритеты: институт религии принял на себя ответственность за духовное здоровье социума, целиком возлагавшуюся на советскую мораль и вытекающую из нее идеологию, которая по сути выполняла большинство функций религии, в том числе касающиеся духовных потребностей общества.

Моральный кодекс строителя коммунизма. Русский философ И. А. Ильин в начале XX в. констатировал: «В современном мире есть большая беда, а именно: оторванность человека от корней. Люди блуждают,

носимые ветром судьбы, как блеклые листья, нигде не закрепляясь, ни с чем не срастаясь, нигде не оседая, нигде не становясь верными, как внешне, так и внутренне.

В социальном смысле их называют пролетаризированными; в культурно-политической сфере — не имеющими Родины; в религиозном отношении — неверующими. Не единое ли это явление единого происхождения? Разве земля привязывает одновременно к работе, к природе, к Богу, к семье, народу и Родине?» [8, с. 110—111].

Труд «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий», откуда взяты эти слова, Ильин писал в 1938 г. в Берлине, где в том же году вышло первое издание этой книги. Несмотря на то, что она была впервые издана в Германии на немецком языке, а на русский переведена только в 1982 г., в предисловии к ней автор выразил надежду: «...я верю, что она найдет своих читателей, которые верно поймут ее и увидят, что она написана для русских о России»¹ [8, с. 8]. Философ работал над книгой в крайне непростой период истории страны. После революции прошло 20 лет, за которые привычный для русского общества уклад сменился новым, антагонистическим. Ранее в обществе выделялись сословия, не противостоявшие друг другу, но дополнявшие друг друга в служении отечеству; после 1917 г. оно распалось на враждебные друг другу общественные классы. Создалась атмосфера всеобщей нетерпимости: члены одной семьи нередко оказывались в разных враждующих лагерях и совершенно не понимали друг друга.

Общество, со времен Крещения Руси жившее по законам и нравственным нормам, установленным предками и передававшимся от одного поколения другому, было оторвано от своих корней и искало новую мораль, новые духовно-нравственные законы, отличные от принятых в прежней России. Ответом на эти искания призван был стать моральный кодекс строителя коммунизма, принятый в 1961 г. (через семь лет после смерти Ильина).

Сегодня, когда в обществе стало возможным не только открыто говорить о религии, но и сопоставлять религиозное мировоззрение с иными — научным и философским, нам представляется интересным рассмотреть некоторые положения морального кодекса строителя коммунизма в соотнесении со Священным Писанием. Даже поверхностное знакомство с ним позволяет увидеть в своде советских этических принципов множество аллюзий и параллелей. Во-первых, это количество пунктов кодекса: их 12 — по числу апостолов.

Далее, при анализе морального кодекса строителя коммунизма обращает на себя внимание идея, близкая к религиозной: построения идеального общества, своего рода аналога Небесного Царства на земле.

Затем, в кодексе трижды упоминаются слова с корнем «брат». В первом случае — когда речь идет об отношениях между людьми: подразумевается, что они носят не только товарищеский и дружеский, но и братский характер. И это не случайно: достаточно вспомнить, что глава советского государства И. В. Сталин начал свое выступление по радио 3 июля 1941 г. словами: «Братья и сестры!» Кроме того, в кодексе упоминается о братстве народов и братской солидарности людей труда во всех странах.

Но наиболее интересен с религиозной точки зрения второй пункт кодекса: «Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест» [7, с. 160]. Здесь очевидное сходство с текстом Нового Завета, а именно с посланием апостола Павла к братии Фессалоникийской церкви: «...Когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» [9, с. 579]. Различие заключается в том, что в кодексе строителя коммунизма неработающего человека принуждали не пользоваться благами общества, а апостол взывал к совести нетрудящегося.

Национальный кризис самоидентификации конца XX в. высветил потребность общества в ценностных ориентирах. Скорее

¹ Труды Ильина стали издаваться на его родине лишь в 1989 г., когда Россия пережила очередную смену политического курса, а значит и духовно-нравственных ориентиров.

всего, целью нового «морального кодекса» станет предложение современному обществу такой модели «Небесного Царства», которую оно примет и которая постепенно войдет в общественное сознание. «Моральный кодекс нового века» должен будет не только сформулировать национальную идею, но и обозначить те главные духовно-нравственные качества, к каким должен стремиться каждый субъект общественной жизни. Среди этих качеств с большой вероятностью будут названы и некоторые из тех, что упоминались в моральном кодексе строителя коммунизма. Некоторые пункты кодекса практически не претерпят изменений, другие нужно будет изменить, от третьих — бесповоротно отказаться.

На наш взгляд, ни в одном слое современного общества сегодня не встретят понимания 1-й, 11-й и 12-й пункты советского морального кодекса, в которых идет речь о сугубо политической окраске человеческой морали.

К пунктам кодекса строителя коммунизма, которые нуждаются в современном толковании, мы бы отнесли 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 9-й и 10-й. Они касаются как общечеловеческих отношений, так и национальных и общественных.

Как нам представляется, без изменений останутся 7-й и 8-й пункты, где речь идет о безусловных духовно-нравственных ценностях, неизменных при любом политическом строе. Действительно, и столетия назад, и сегодня, и через сотни лет обществом будут востребованы идеалы нравственной безупречности и семейные ценности. Разумеется, время может вносить коррективы и в эти основы любого общества, когда-то казавшиеся незыблемыми, на что мы уже обращали внимание, рассматривая проблемы молодежи, связанные с распадом института семьи [10].

В моральном кодексе строителя коммунизма не упоминается важнейшее понятие в духовно-нравственной сфере — душа. Мы касались данной проблемы, рассматривая известные сегодня варианты определения этого понятия [11]. Тем не менее

преимущество в духовной сфере составители свода принципов коммунистической морали все-таки приняли во внимание. Один из авторов морального кодекса строителя коммунизма, советский и российский политолог доктор философских наук профессор Ф. М. Бурлацкий, вспоминает, что порекомендовал коллегам следующее: «Нужно исходить не только из коммунистических постулатов, но и также из заповедей Моисея, Христа, тогда всё действительно “ляжет” на общественное сознание. Это был сознательный акт включения в коммунистическую идеологию религиозных элементов» [12].

Приведенные выше слова свидетельствуют о том, что даже апологеты официально провозглашаемой богоборческой идеологии понимали: в России любая идеология не может обойтись без элементов религии. Так, известен исторический факт кардинального пересмотра государственной политики в отношении религии и церкви в годы Великой Отечественной войны (см., напр., [13]). И если в советской России идеология, будучи одной из подсистем духовно-нравственной жизни, включала в себя лишь отдельные религиозные элементы, то в современной России религия уже на официальном уровне признана одной из подсистем этой сферы жизни.

К вопросу о национальной идее. Отличительная особенность первых десятилетий нового века в нашей стране — продолжающийся поиск национальной идеи. Эта идея, безусловно, не может быть сведена к приземленным, прагматическим целям: «Российская национальная идея, — предупреждал еще в 2010 г. Р. З. Абдуллин, — не может быть найдена среди реалий современной России, потому что ее там нет. Национальная идея должна родиться в результате упорного целенаправленного поиска на самом высоком уровне мышления — философском» [14, с. 6]. Достижению такого уровня могут способствовать своими идеями, мыслями, книгами выдающиеся философы и мыслители, некогда изгнанные из страны и затем возвращенные своему народу.

Обратимся вновь к книге Ильина: «Современному человеку становится всё яснее, что он живет без святыни и что жизнь без нее будет невозможно вынести. Он всё больше понимает, что его жизнь осквернена и жаждет святыни. В этом он прав» [8, с. 228].

Эти слова сохраняют актуальность и в наши дни. Сегодня мы снова находимся в подобной ситуации, снова в поисках новой национальной идеи. Современное общество предпринимает попытку переосмысления своего прошлого и пытается если не вернуться к своим истокам в их первоизданном виде, то понять их и привнести в современную жизнь то лучшее, что вписывается в реалии современной России.

Разумеется, новый «моральный кодекс» не должен приводить всё общество к религиозности, но без религиозных элементов, трансформированных и переосмысленных на новом уровне развития России, будет значительно труднее отыскать общие духовно-нравственные основания этических ценностей, приемлемых для всех слоев общества.

Литература

1. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 1632 с.
2. Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. 4-е изд., доп. и испр. М.: Госполитиздат, 1954. 704 с., 4 л. портр.
3. Момдзян К. Х. Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 36–46.
4. Лифинцева С. Н., Бажанова Ю. Н. Духовно-нравственные основания в образовательных традициях России // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 2 (10). С. 99–108.
5. Шангина О. В., Романов Ф. К. О подмене нравственных норм интеллектуальными в современном образовательном пространстве // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 2 (18). С. 168–173. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-2-168-173>
6. Психология и педагогика / [Сост. и отв. ред. А. А. Радугин]. М.: Центр, 1996. 332 с. (Alma mater).
7. Моральный кодекс строителя коммунизма / [Общ. ред. А. С. Вишнякова, М. Г. Журавкова]. 2-е изд. М.: Политиздат, 1965. 176 с.
8. Ильин И. А. Книга раздумий и тихих созерцаний. М.: Альфа-Принт, 2005. 528 с.
9. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М.: Сретенский монастырь, 2002. 672 с.

10. Шангина О. В. Проблемы современной молодежи, обусловленные распадом института семьи // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 3–4 (3–4). С. 83–88.

11. Шангина О. В. Проблема определения категории «душа» в современной России // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 2 (6). С. 102–105.

12. Бурлацкий Ф. М. Судьба дала мне шанс: [интервью] / Ф. М. Бурлацкий; интервьюер Р. А. Звягельский // Российский адвокат. 2007. № 5. С. 4–9.

13. Васильева О. Ю. Советское государство и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 28 с.: ил.

14. Абдуллин Р. З. Российская национальная идея: от утопии к реальности. СПб.: Алетейя, 2010. 611 с.: ил. (Русский миръ).

Поступила после доработки 18.04.2019

Шангина Ольга Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), shanginao@yandex.ru

Романов Федор Константинович — студент 3-го курса факультета экономической безопасности Института права и национальной безопасности (ИПНБ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (Россия, 119571, Москва, пр-кт Вернадского, д. 82), romanov58@rambler.ru

Думанова Наталия Андреевна — старший лаборант кафедры физического воспитания Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), 89296830379@mail.ru

References

1. Sovetskii entsiklopedicheskii slovar' (Soviet Encyclopedic Dictionary), Gl. red. A. M. Prokhorov, 4-e izd., ispr. i dop., M., Sov. entsiklopediya, 1989, 1632 p.
2. Kratkii filosofskii slovar' (Concise Philosophical Dictionary), Pod red. M. Rozentalya, P. Yudina, 4-e izd., dop. i ispr., M., Gospolitizdat, 1954, 704 p., 4 l. portr.
3. Momdzhyan K. Kh. Gipoteza obshchestvennogo progressa v sovremennoi sotsial'noi teorii (The Hypothesis of Social Progress in Modern Social Theory), *Voprosy filosofii*, 2016, No. 10, pp. 36–46.
4. Lifintseva S. N., Bazhanova Yu. N. Dukhovno-nravstvennye osnovaniya v obrazovatel'nykh traditsiyakh Rossii (Spiritual and Moral Bases in Russian Educational Traditions), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2016, No. 2 (10), pp. 99–108.

5. Shangina O. V., Romanov F. K. O podmene npravstvennykh norm intellektual'nymi v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve (About Substitution of Intellectual Standards for Ethical Norms in Modern Education Space), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2018, No. 2 (18), pp. 168—173, <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-2-168-173>
6. Psikhologiya i pedagogika (Psychology and Pedagogy), Sost. i otv. red. A. A. Radugin, M., Tsentr, 1996, 332 p., Alma mater.
7. Moral'nyi kodeks stroitelya kommunizma (Moral Code of the Builder of Communism), Obshch. red. A. S. Vishnyakova, M. G. Zhuravkova, 2-e izd., M., Politizdat, 1965, 176 p.
8. Ilin I. A. Kniga razdumii i tikhikh sozertsanii (Book of Reflections and Quiet Contemplations), M., Al'ta-Print, 2005, 528 p.
9. Novyi Zavet Gospoda nashego Iisusa Khrista (The New Testament of Our Lord and Saviour Jesus Christ), M., Sretenskii monastyr', 2002, 672 p.
10. Shangina O. V. Problemy sovremennoi molodezhi, obuslovlennye raspadom instituta sem'i (Problems of Modern Youth Caused by Disintegration of the Institution of the Family), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2014, No. 3-4 (3-4), pp. 83—88.
11. Shangina O. V. Problema opredeleniya kategorii "dusha" v sovremennoi Rossii (The Soul Category Definition Problem in Modern Russia), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2015, No. 2 (6), pp. 102—105.
12. Burlatskii F. M. Sud'ba dala mne shans: interv'yue (Fate Gave Me a Chance: Interview), interv'yuer R. A. Zvyagel'skii, *Rossiiskii advokat*, 2007, No. 5, pp. 4—9.
13. Vasil'eva O. Yu. Sovetskoe gosudarstvo i deyatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v gody Velikoi Otechestvennoi voyny, avtoref. dis. ... kand. ist. nauk (Soviet State and the Russian Orthodox Church Activity During Great Patriotic War, Extended Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation), M., 1990, 28 p., il.
14. Abdullin R. Z. Rossiiskaya natsional'naya ideya: ot utopii k real'nosti (Russian National Idea: from Utopia to Reality), SPb., Aleteiya, 2010, 611 p., il., Russkii mir".

Submitted after updating 18.04.2019

Shangina Olga V., Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), shanginao@yandex.ru

Romanov Fedor K., third-year student of Economic Security Faculty at Institute of Law and National Security, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, 119571, Moscow, Vernadskogo av., 82), romanov58@rambler.ru

Dumanova Natalya A., senior assistant of Physical Education Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), 89296830379@mail.ru